

Дискурсивный прием «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политика

Е. В. Бочаров

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bev95@inbox.ru*

Аннотация. Различные подходы к определению коммуникативной стратегии объединяет наличие единых корневых элементов: замысла или интенции, вербальных и невербальных средств выражения, коммуникативной направленности. Цель проводимого исследования заключается в том, чтобы на примере речей политических лидеров Латинской Америки, выступивших на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, продемонстрировать, каким образом прием «мы – жертва», детерминируемый в структуре коммуникативной стратегии самопрезентации политиков, способен становиться тематическим центром публичного выступления. Метод исследования – дискурс-анализ, который применяется для изучения текстов политической коммуникации, содержащих идеологизированные языковые явления, в два этапа: анализ контекста высказывания и текстуальный анализ.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная коммуникация, стратегия самопрезентации, дискурсивный прием, латиноамериканский дискурс

Для цитирования: Бочаров Е. В. Дискурсивный прием «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 17–24.

Original article

The Discursive Technique “We Are the Victim” in Self-Representation Strategy of a Politician

Yevgeniy V. Bocharov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bev95@inbox.ru*

Abstract. Various approaches to identifying a communicative strategy share a set of core elements: an underlying intention, the use of verbal and non-verbal means of expression, and communicative orientation. The objective of the present study is to demonstrate, using speeches delivered by Latin American political leaders at sessions of the United Nations General Assembly, how the “we are the victim” device, embedded within the framework of a self-presentation strategy, can become the thematic nucleus of a public address. The research employs discourse analysis applied to political communication texts containing ideologically charged linguistic phenomena. The procedure involves two stages: analysis of the utterance’s context and textual analysis.

Keywords: political discourse, institutional communication, self-representation strategy, discourse device, Latin-American discourse

For citation: Bocharov, E. V. (2025). The discursive technique “we are the victim” in self-representation strategy of a politician. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 17–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с формированием коммуникативно-прагматического подхода к исследованию языковых явлений, сложившегося на закате XX века, дискурсивные исследования также приобрели новый вектор – коммуникативно-деятельностный. Авторы-новаторы Jens Allwood, Stephen C. Levinson стремились понять, каким образом развитие лингвопрагматики – науки, изучающей поведение языковых знаков в реальных ситуациях общения, – соотносится с оригинальным взглядом на анализ речевой деятельности, при котором все коммуникативные акты рассматриваются как обладающие структурным и интенциональным компонентом.

Способы и средства интенционального воздействия через дискурс выражены коммуникативной стратегией адресата, так называемым особым стилем коммуникативного поведения.

Рассмотрение дискурса с таких позиций позволяет проанализировать его через призму социально обусловленного речевого взаимодействия, которое протекает внутри определенных коммуникативных ситуаций. В каждой такой ситуации мы можем наблюдать реализацию особой коммуникативной стратегии, выраженной вербальными и невербальными средствами.

Коммуникативная стратегия представляет собой базовое теоретическое понятие прагматики. В общем смысле под стратегией может пониматься некая последовательность действий говорящего, преследующего собственные или коллективные цели и делающего с этой целью выбор в пользу тех или иных языковых средств. С точки зрения методологии концепция коммуникативных стратегий удалена от традиционного языкознания и приближена к категории «конвенция» [Макаров, 2003; Иссерс, 2015]. Если под традиционным языкознанием понимать свод правил, регулирующих языковые процессы в определенных условиях их проявления, то стратегия по своей природе динамична и гибка, так как складывается под влиянием изменяющегося контекста дискурса. Свойства, цели и задачи стратегии зависят от условий коммуникации и всегда следуют за речевыми действиями коммуникантов. В этом смысле традиционное языкознание и стратегия отнюдь не противоречат друг другу: находясь по разные стороны деятельностного спектра (языкознание – пассивное, стратегия – активное), эти понятия взаимодополняют друг друга и доказывают многоплановость языка и связанных с ним явлений. Одним из главных признаков стратегии является сквозная синхронизация осуществляемого с предшествующим и их влияние на последующее. В таком ключе коммуникативную

стратегию интерпретирует М. Л. Макаров, выделяя стратегии локальной связности, макростратегии и разговорные стратегии. Однако любая стратегия, какой бы она ни была, содержит в себе элемент интенции: сообщение, закодированное с помощью языка, передается адресату и побуждает его скорректировать свои действия [Макаров, 1998]. Таким образом, коммуникативная стратегия – это тщательно продуманный план речевого поведения, который формируется осознанно или полуосознанно и реализуется участниками коммуникации для достижения определенных коммуникативных, прагматических и интерактивных целей в процессе общения. Коммуникативная стратегия включает в себя систему речевых и невербальных действий, которые организованы в соответствии с актуальной дискурсивной ситуацией, регулирование процесса общения, управление интерпретацией смысла, обеспечение эффективности коммуникации.

В качестве объекта исследования был избран латиноамериканский дискурс, имеющий строгие отличительные признаки. В попытке выделить существенные характеристики латиноамериканского дискурса отечественные ученые анализируют исторический контекст макрорегиона. Так, современный латиноамериканский дискурс, по мнению О. Ю. Бондарь, характеризуется традиционно второстепенной и периферийной ролью региона в сравнении с Европой и Северной Америкой. Данное положение обусловило сдвиг от индивидуального к коллективному измерению идентичности (от «yo» к «nosotros»), выражение цивилизационной сущности посредством бинарных оппозиций («варварство – цивилизация»), продуктивную динамику негативных модусов бытия (переосмысление традиционных элементов культурного кода «отсутствие», «дефицит», «нищета» в позитивном ключе) [Бондарь, 2016]. Одним из последствий «коллективизации» идентичности стало закрепление маргинализации в качестве специфического стиля коммуникации латиноамериканских политиков, намеренно демонстрирующих свою инаковость [Алексеев, 2022].

Другой характерной для латиноамериканского дискурса чертой стал популизм [Моисеенко, 2015; Моисеенко, 2019]. Популистские лидеры, как правило, харизматичны, они эксплуатируют темы социальной несправедливости, нищеты, расизма по отношению к коренным народам с целью привлечения массовой поддержки во внутренней и внешней адресации. На институциональном уровне современный латиноамериканский дискурс и, в частности, латиноамериканский политический дискурс, характеризуется ярко выраженным разнобразием идеологем и аксиологем, акцентом на темах социальной справедливости, повышенной

эмоциональностью и выраженным антиимпериалистическим настроением, который становится маркером, позволяющим группировать страны в зависимости от идеологического спектра [Бочаров, 2025].

Прием «мы – жертва», который является предметом настоящего исследования, идентифицируется в речи некоторых латиноамериканских политиков как тематическая опора выступления. Актуализация риторики «жертвы» позволяет политикам вызывать эмоциональный отклик у широкой аудитории, что делает ее эффективным средством политической борьбы. Обычно используются темы наследия колониализма и империализма, экономического и социального неравенства, несправедливого экономического давления со стороны международных финансовых институтов, политической поляризации, «братской адресации» и единения перед угрозой, мобилизации массового движения. Оценочный характер подобных суждений имеет высокую степень эмоциональности, а значит имеет признаки манипуляции [Матвеева, Гаязова, 2022].

Таким образом, к основной задаче проводимого исследования относится идентификация приема «мы – жертва» в выступлениях политиков посредством двухэтапного дискурс-анализа – анализа контекста высказывания и текстуального анализа и определения его тематического паттерна. Второстепенная задача предполагает анализ средств и форм выражения дискурсивного приема «мы – жертва» с присвоением определенного аксиологического модуса.

Новизна заключается в том, что в результате проведенного анализа впервые раскрываются особенности приема «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политиков. Кроме того, в статье продемонстрировано использование данного приема применительно к разным тематическим блокам со значением «жертвенности».

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к прагматическому анализу речевых тактик в политическом дискурсе, в том числе к приему «мы – жертва» как инструменту самопрезентации и политической мобилизации. В отечественной науке данное направление развивается на материале статусно-обусловленного дискурса: в частности, в исследовании Е. В. Бочарова проанализированы выступления президентов и премьер-министров стран Латинской Америки на Генеральной Ассамблее ООН, выявлены ключевые тактики стратегии самопрезентации и показана их роль в формировании имиджа политической персоналии [Бочаров, 2024]. В методологически близкой работе Д. А. Кушнеревой продемонстрировано, каким образом стратегия «агрессор / жертва» реализуется в женском

политическом дискурсе [Кушнерева, 2023]. Другая работа, также выполненная в русле лингвопрагматики, обогащает теоретические основания нашего исследования изучением дискурсивных позиций политиков («до власти / во власти / после власти») и их влияния на выбор речевых стратегий, зависящего от статуса говорящего [Гончарова, Цуциева, 2021]. Об актуальности настоящего исследования свидетельствуют в том числе работы современных зарубежных ученых. Так, коллектив британских и американских ученых изучает речи Виктора Орбана и Дональда Трампа и вводит термин «захваченная жертва» (*hijacked victimhood*) для обозначения стратегии тактического присвоения статуса жертвы в целях сохранения или расширения собственной власти [Barton Hronešová, Kreiss, 2024].

Таким образом, и отечественные, и зарубежные исследования свидетельствуют об устойчивом научном интересе к анализу стратегий, связанных с конструированием статуса жертвы в политическом дискурсе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ниже продемонстрируем использование дискурсивного приема «мы – жертва» в рамках основных тем выступления:

Кризис многополярности и глобализации

Nos unió la necesidad de cambiar que no ha sido resuelta y la condición de víctimas principales de **la actual crisis multidimensional global**; del abusivo intercambio desigual; de la brecha científico-tecnológica; y de la degradación del medio ambiente¹. – Мы едины в понимании скорейшего удовлетворения требований **жертв кризиса многополярности**, наблюдаемого сегодня, решения несправедливой и неравноправной торговли, научно-технического разрыва, разрушения среды обитания² (из выступления Кубы на 78-й сессии ГА ООН).

Ese indicador lo alcanzamos sin subir tasas de interés, **sin practicar políticas monetarias neoliberales** y siempre cuidando del bolsillo de los mas pobres, que es donde mas daña la inflación³. – Мы добиваемся этих показателей без повышения процентных ставок, **не прибегая к неолиберальной денежно-кредитной политике**, с заботой о кармане самых бедных, которые острее других чувствуют инфляцию (из выступления Боливии на 78 сессии ГА ООН).

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/cuba> (дата обращения: 23.01.2025).

²Здесь и далее перевод наш. – Е. Б.

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/bolivia-plurinational-state> (дата обращения: 23.01.2025).

Для ряда стран Латинской Америки характерна критика сложившихся политических и финансовых институтов, часто ассоциируемая с неолиберализмом и глобализмом. При этом на неолиберализм возлагается вина за сохранение нищеты, маргинализации, несправедливых отношений между странами.

Историческая несправедливость

El Continente africano sigue siendo *víctima de la injusticia histórica* de ser el único continente sin una representación permanente en el Consejo de Seguridad¹. – Африканский континент по-прежнему является *жертвой исторической несправедливости* как единственный регион мира, не имеющий постоянного председательства в Совете Безопасности (из выступления Экваториальной Гвинеи на 78-й сессии ГА ООН).

De conformidad con las resoluciones de esta Asamblea General y su Comité Especial de Descolonización, *la forma de resolver la situación colonial de las Islas es a través de las negociaciones de soberanía entre la Argentina y el Reino Unido*². – В соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи и ее Специального комитета по деколонизации *решение вопроса о колониальном статусе островов* может быть достигнуто *путем переговоров* о суверенитете *между Аргентиной и Соединенным Королевством* (из выступления Аргентины на 78-й сессии ГА ООН).

Тема исторической несправедливости занимает ключевое место в докладах латиноамериканских стран, объединенных общей «проамериканской» идеологией. Несправедливое отношение выражено многолетним периодом колонизации и незаконченной деколонизацией, когда формально страна является суверенной, но ее возможности экономического развития остаются ограниченными. Для Аргентины вопрос деколонизации Фолклендских (Мальвинских) островов представляет собой актуальную геополитическую проблему.

Мы жертва миграции

Si observan que *los pueblos se llenan de hambre y de sed y emigran por millones hacia el norte*, hacia donde está el agua; entonces ustedes *los encierran, construyen muros, despliegan ametralladoras, les disparan*³. – Если вы видите, что *народы умирают от голода и жажды*

и *миллионами мигрируют на север* – туда, где есть вода; *тогда вы их запираете, строите стены, устанавливаете пулеметы, стреляете в них* (из выступления Колумбии на 78-й сессии ГА ООН).

Nuestro país hace un esfuerzo titánico, para atender de manera solidaria a esos migrantes irregulares, cuyo número aumenta cada año, obligando a Panamá a destinar importantes recursos al socorro humanitario. Esta es *una situación insostenible... indeseada... inhumana... un drama humanitario de dolor... sufrimiento y muerte...* para cientos de miles de migrantes... que emprenden esa *arriesgada travesía*. Les reitero, esta es una *situación insostenible*, una situación en la que *somos víctimas y no responsables*⁴. – *Наша страна прилагаем титанические усилия, чтобы оказать солидарную помощь этим нелегальным мигрантам*, число которых растет с каждым годом, что вынуждает Панаму выделять значительные ресурсы на оказание гуманитарной помощи. Это *неприемлемая ситуация... недопустимая... бесчеловечная... пример человеческого страдания... боли и смерти...* для сотен тысяч мигрантов... которые отправляются в это *рискованное путешествие*. Я повторяю вам, это *недопустимо*, в этой ситуации мы являемся *жертвами* и не несем ответственности (из выступления Парагвая на 78-й сессии ГА ООН).

Миграция – это еще одна поляризующая тема для стран региона. С одной стороны, мы наблюдаем причинно-следственную связь между неэффективной внутренней политикой и миграцией – случай Венесуэлы, а с другой стороны, жертвой нерегулярной миграции становятся не сами мигранты, а соседние страны-реципиенты. В лексическом составе преобладают единицы с отрицательным аксиологическим модусом:

hambre – голод, sed – жажда, situación insostenible – неустойчивое положение, indeseado – нежелательное, inhumano – бесчеловечный, drama humanitario – гуманитарная драма, dolor – боль, sufrimiento – страдание, muerte – смерть.

«Мы – жертва» как инструмент дискредитации

La República Bolivariana de Venezuela *ha sido víctima de una cruel política de agresión y asedio*⁵. – Боливарианская республика Венесуэла *стала жертвой безжалостной политики агрессии и осады* (из выступления Венесуэлы на 78-й сессии ГА ООН).

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/equatorial-guinea> (дата обращения: 23.01.2025).

²URL: <https://gadebate.un.org/en/78/argentina> (дата обращения: 05.02.2025).

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/colombia> (дата обращения: 05.02.2025).

⁴URL: <https://gadebate.un.org/en/78/paraguay> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 10.02.2025).

Por eso, desde este pódium de la 78 Asamblea General exigimos a Naciones Unidas hacer cumplir el Mandato de la Corte Internacional de Justicia de La Haya, que en el año 1986 sentenció a los **Estados Unidos de Norteamérica** a reconocer a Nicaragua, al menos en parte, **los costos de la destrucción, la agresión permanente, el dolor y el sufrimiento** de centenares de miles de Familias¹. – Вот почему, выступая с этой трибуны на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи, мы призываем Организацию Объединенных Наций выполнить Мандат Международного Суда в Гааге, который в 1986 году обязал **Соединенные Штаты Северной Америки** возместить Никарагуа, по крайней мере частично, ущерб за разрушения, постоянную агрессию, боль и страдания сотен тысяч семей (из выступления Никарагуа на 78-й сессии ГА ООН).

К инструментарию дискредитации исследователи традиционно относят стратегию на понижение, создание положительного образа «своих» через очернение «чужих», тактику обвинения, тактику не прямых оскорблений, приемы речевой агрессии, а также имплицитные механизмы воздействия – приемы когнитивного и семантического плана, способствующие желательному восприятию политических фактов и фигур [Хабекирова, 2011]. Выявленные нами примеры содержат средства создания положительного образа «своих» (Венесуэлы или Кубы) через очернение «чужих» (США). Также мы наблюдаем прием когнитивного и семантического плана, когда Соединенные Штаты Америки определяются как Соединенные Штаты Северной Америки в попытке сместить при определении Америки акцент с севера на юг.

Мы – жертва климатических изменений

Libia ha sido una de las **víctimas más recientes de los embates del cambio climático**, que también ha afectado a nuestro país, que ha sufrido inundaciones y registrado en estos últimos meses temperaturas sin precedentes². – Ливия стала **одной из жертв последствий изменения климата**, затронувшим также нашу страну, пострадавшую от наводнений и температурных рекордов за последние месяцы (из выступления Венесуэлы на 78 сессии ГА ООН).

La Argentina **perdió más del 20 por ciento de sus exportaciones** totales debido a la peor sequía de los últimos 100 años. **Quedaron pulverizados nada menos**

que tres puntos de su Producto Bruto Interno³. – Аргентина **утратила более 20 % своего экспорта** по причине сильнейшей за последние сто лет засухи. **Мы не досчитались по меньшей мере трех пунктов нашего ВВП** (из выступления Венесуэлы на 78-й сессии ГА ООН).

Жертва – это другие

Del mismo modo, deben cesar de inmediato **las sanciones impuestas por los Estados Unidos a Venezuela**. Su prolongación en el tiempo solo **lastimó las condiciones de vida** para sus habitantes y **condujo al exilio** a millones de venezolanos que emigraron de su patria **buscando una vida mejor**⁴. – **Санкции, введенные Соединенными Штатами в отношении Венесуэлы**, должны быть немедленно сняты. Их наличие не только **ухудшило условия жизни** жителей страны, но и **привело к исходу** миллионов венесуэльцев, эмигрировавших со своей родины **в поисках лучшей жизни** (из выступления Аргентины на 78-й сессии ГА ООН).

Venezuela exige **que se ponga fin, de manera completa, inmediata e incondicional, a todas las ilegales políticas de sanciones y bloqueos económicos, comerciales y financieros** a las que está sujeta Venezuela, Cuba, Eritrea, Irán, Nicaragua, Siria, Zimbabue y otras naciones hermanas que con determinación y compromiso han sabido sortear estas políticas imperiales⁵. – Венесуэла требует **полного, немедленного и безоговорочного прекращения всей незаконной политики санкций и экономической, торговой и финансовой блокады** в отношении Венесуэлы, Кубы, Эритреи, Ирана, Никарагуа, Сирии, Зимбабве и других братских стран, которые с решимостью и высоко поднятой головой сумели обойти эти ограничения имперской политики. (из выступления Венесуэлы на 78 сессии ГА ООН)

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что прием «мы – жертва» имеет широкое семантическое и прагматическое поле. С точки зрения семантического содержания высказывания, прием «мы – жертва» выражен значениями несправедливости, страдания, боли, жертвы климатических изменений, торговой и финансовой блокады, беспочвенных обвинений. Прагматическое содержание данного приема ориентировано на делегитимизацию политического оппонента, что, в свою очередь, следует считать маркером поляризованности

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/nicaragua> (дата обращения: 10.02.2025).

²URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 10.02.2025).

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴URL: <https://gadebate.un.org/en/78/argentina> (дата обращения: 27.02.2025).

⁵URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 27.02.2025).

по признаку идеологической ориентации («проамериканской» или «просевероамериканской»).

Распознать прием «мы – жертва», однако, не всегда просто. Переходя от более широкого синтаксического анализа к более узкому – лексическому, можно наблюдать, как данный прием приобретает новые формы выражения. Например, значение «жертвенности» часто передается лексикой с отрицательным аксиологическим модусом вне какого-либо конкретного тематического блока:

abusos – злоупотребления, altos costos – высокие цены, pobreza – нищета, deuda pública – государственный долг, destrucción – разрушение, disputas sociales – споры, encrucijada – перепутье, endeudamiento – задолженность, engaño – обман, estallido social – социальный взрыв, estigma – клеймо, estigmatización – стигматизация, insatisfacción – неудовлетворенность, fragmentación social – социальная фрагментация, hambruna – голод, sufrimiento – страдание:

En un mundo de tanta riqueza, los **niveles de pobreza y desigualdad** continúan obstinadamente altos mientras que la migración masiva asociada a **conflictos bélicos** y a **falta de oportunidades**, el **terrorismo internacional**, el **crimen transnacional** y las **tensiones geopolíticas** representan retos ante los cuales tanto los mecanismos de cooperación como su gobernanza, que han prevalecido en las últimas casi 8 décadas, se encuentran claramente desfasados¹. – В столь богатом мире сохраняется высокий **уровень бедности и неравенства**, а массовая миграция, связанная с **вооруженными конфликтами, отсутствием возможностей, международным терроризмом, транснациональной преступностью и геополитической напряженностью**, представляют собой вызовы, перед которыми действующие последние 8 лет механизмы сотрудничества безнадежно устарели. (из выступления Парагвая на 78 сессии ГА ООН)

Si las Naciones Unidas no cumplen con su mandato de paz y desarrollo, **alimentaremos la insatisfacción y el desconcierto** y sufrirán las instituciones internacionales que hemos construido². – Если Организация Объединенных Наций не выполнит свой мандат в области мира и развития, **мы вызовем недовольство и недоумение**, а также пострадают международные институты, которые мы создали (из выступления Мексики на 78-й сессии ГА ООН).

В нанесении вреда и, следовательно, в ответственности за возникновение признака «жертвенности» не всегда обвиняют напрямую – часто

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/paraguay> (дата обращения: 27.02.2025).

²URL: <https://gadebate.un.org/en/78/mexico> (дата обращения: 27.02.2025).

подобное обвинение имеет косвенные признаки. При этом признак «жертвенности» возникает только в тот момент, когда оратор связывает нанесенный ему ущерб с действием третьей стороны:

Países enteros han sido destruidos, en **la brutal política de tierra arrasada**, que busca satisfacer **los apetitos bestiales de los Imperialistas de la Tierra**... Países enteros han venido **siendo ocupados, y sacrificados y masacrados** sus Pueblos, por las mismas y atroces políticas y acciones, **violatorias de todos los Derechos**, que refuerzan lo que conocemos y denunciemos nuevamente aquí, como Crímenes de Odio³. – Целые страны были разрушены в результате **жесткой политики выжженной земли**, направленной на удовлетворение **зверских аппетитов земельных империалистов**... Целые страны **были оккупированы**, а их народы **приносились в жертву и уничтожались** в результате той же самой отвратительной политики и действий, **нарушающих все права**. Эта политика только подливает масла в огонь того, что мы здесь называем преступлениями на почве ненависти (из выступления Никарагуа на 78-й сессии ГА ООН).

Esta es una **situación insostenible... indeseada... inhumana... un drama humanitario de dolor... sufrimiento y muerte**... para cientos de miles de migrantes... que emprenden esa arriesgada travesía. Les reitero, esta es una **situación insostenible**, una situación en la que **somos víctimas y no responsables**⁴. – Это **неприемлемая ситуация... нежелательная... бесчеловечная... гуманитарная драма, боль... страданий и смерти**... для сотен тысяч мигрантов... которые отправляются в это рискованное путешествие. Я повторяю вам, это **неприемлемая ситуация**, ситуация, в которой **мы являемся жертвами, а не ответственны** (из выступления Панама на 78-й сессии ГА ООН).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа раскрывают особенности приема «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политиков. Продемонстрировано использование данного приема применительно к разным тематическим блокам со значением «жертвенности». Важным итогом проведенного анализа является тезис о неочевидности возможностей идентификации приема «мы – жертва» исключительно как части субъектного дискурса. Выявлено, что политики используют данный прием в отношении других субъектов политической коммуникации, но, как правило, с одной целью.

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/nicaragua> (дата обращения: 27.02.2025)

⁴URL: <https://gadebate.un.org/en/78/panama> (дата обращения: 27.02.2025)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2015.
3. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверск. гос. ун-та, 1998.
4. Бондарь О. Ю. Архитектоника латиноамериканского идентификационного дискурса в XX в. (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 21–29.
5. Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 96–111.
6. Моисеенко Л. В. Феноменология ораторских дискурсов латиноамериканских лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 2. С. 36–40.
7. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. № 2 (18). С. 105–117.
8. Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации в испаноязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2025.
9. Матвеева А. А., Гаязова А. А. Использование манипулятивных стратегий и тактик в дискурсе британских СМИ для трансформации стереотипных представлений // Вестник Томского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 76. С. 148–165. DOI: 10.17223/19986645/76/6.
10. Бочаров Е. В. Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 22 (1). С. 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131.
11. Кушнерева Д. А. Агрессор и Жертва в женском политическом дискурсе (на примере речей Лауры Чинчили Миранды) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5 (50). С. 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504.
12. Гончарова Е. А., Цуциева М. Г. Лингвокогнитивные и коммуникативно-прагматические особенности речевой деятельности политика в дискурсивной позиции «после власти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. №18 (2). С. 339–362. DOI: 10.21638/spbu09.2021.206
13. Barton Hronešová J., Kreiss D. Strategically Hijacking Victimhood: A Political Communication Strategy in the Discourse of Viktor Orbán and Donald Trump // Perspectives on Politics. 2024. № 22 (3). С. 717–735. DOI: 10.1017/S1537592724000239
14. Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствование. 2011. № 3. С. 138–144.

REFERENCES

1. Makarov, M. L. (2003). Osnovy teorii diskursa = Fundamentals of discourse theory. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Issers, O. S. (2015). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
3. Makarov, M. L. (1998). Interpretativnyj analiz diskursa v maloj gruppe = Interpretative analysis of discourse in a small group. Tver: Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
4. Bondar, O. Yu. (2016). Architectonics of Latin American identification discourse in the twentieth century. (Part 1). Vestnik of Peoples' Friendship Russian State University. Series: Philosophy, 2, 21–29. (In Russ.)
5. Alexeev, A. B. (2022). The communicative strategy of marginalization as a manipulative strategy of power in political discourse. Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20, 96–111. (In Russ.)
6. Moiseenko, L. V. (2015). The phenomenology of the oratorical discourses of Latin American Leaders. Vestnik of Peoples' Friendship Russian State University. Series: Language Education and Translingual Practices, 2, 36–40. (In Russ.)
7. Moiseenko, L. V. (2019). Populist political discourse: diagnostic signs and linguocognitive techniques of creation. Vestnik of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 2(18), 105–117. (In Russ.)

8. Bocharov, Ye. V. (2025). Strategija samoprezentacii v ispanojazychnom politicheskom diskurse = Self-presentation strategy in Spanish-language political discourse: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Matveyeva, A. A., Gayazova, A. A. (2022). The use of manipulative strategies and tactics for the transformation of stereotypical ideas in the British mass media discourse. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philology*, 76, 148–165. DOI: 10.17223/19986645/76/6. (In Russ.)
10. Bocharov, Ye. V. (2024). Self-Presentation Strategy and Speech Tactics in Political Discourse (based on the Public Speeches of Latin American Politicians at the UN). *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 22(1), 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131. (In Russ.)
11. Kushnereva, D. A. (2023). Aggressor and Victim in women's political discourse (on the example of the speeches of Laura Chinchilla Miranda). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504. (In Russ.)
12. Goncharova, E. A., Tsutsieva, M. G. (2021). Linguistic-cognitive and communicative-pragmatic features of a politician's speech activity in a discursive position "after power". *Vestnik of Saint Petersburg University. Series: Language and Literature*, 18(2), 339–362. DOI: 10.21638/spbu09.2021.206. (In Russ.)
13. Barton Hronešová, J., Kreiss, D. (2024). Strategically Hijacking Victimhood: A Political Communication Strategy in the Discourse of Viktor Orbán and Donald Trump. *Perspectives on Politics*, 22(3), 717–735. DOI: 10.1017/S1537592724000239
14. Khabekirova, Z. S. (2011). The strategy of discrediting and methods of its implementation in the political discourse of the democratic opposition. *Vestnik of the Adygea State University. Series 2: Philology and Arts*, 2(3), 138–144.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бочаров Евгений Владимирович

старший преподаватель

кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bocharov Yevgeniy Vladimirovich

Senior Lecturer

Department of Linguistics and Intercultural Communication

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2025
17.08.2025
18.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication